

О. Г. Усенко

К уточнению биографии К. А. Булавина

Несмотря на то, что личность Кондратия Булавина привлекала внимание историков с начала XIX в., его биография как следует не изучена, более того – даже всё известное о нём является предметом дискуссий и противоположных оценок.

Известно, что К. А. Булавин был сыном станичного атамана Трёхизбянской станицы на Северском Донце, но неизвестно наверняка, где он родился и каково его социальное происхождение.

По мнению одних историков¹, он был «старожилом» казаком². А. П. Пронштейн и Н. А. Мининков, разделяя эту точку зрения, уточняют, что Булавина нельзя считать коренным донцом, так как он был уроженцем г. Салтова Харьковского слободского полка³. Исследователи ссылаются на зафиксированную в источниках молву, что Булавин «природою подлинно салтовец из русских людей»⁴. Однако Е. П. Подъяпольская считает, что это свидетельство «маловероятно, так как родня Булавина... жила на Дону», и поэтому он зачисляется в «природные» казаки⁵.

В источниках имя К. Булавина впервые упоминается под 1705 г. в связи с борьбой донских казаков и Изюмского слободского полка за уголья и соляные промыслы по рр. Бахмут, Красная и Жеребец – притокам Северского Донца⁶. Кульминационным пунктом этой борьбы все исследователи считают события 1705–1706 гг., когда К. А. Булавин во главе с казаками Бахмутского городка выгнал изюмцев из угодий, а затем арестовал приехавшего из Воронежа дьяка А. Горчакова, не допустив его до описи соли и убытков, понесённых изюмцами.

В остальном, однако, историки расходятся. Спор вызывают прежде всего следующие вопросы: когда К. Булавин стал атаманом бахмутских казаков? Когда у них начались столкновения с жителями Изюмского полка? До какого времени К. Булавин оставался атаманом в Бахмуте?

На первый вопрос в литературе имеется несколько вариантов ответа. Е. П. Подъяпольская считает, что атаманство Булавина относится

[с. 97]

к 1704–1706 гг., правда, ничем не подкрепляет своё мнение⁷. Другие авторы не дают столь чётких датировок, полагая, судя по всему, что атаманом Бахмутского городка Булавин был с момента его основания (в 1701 или 1703 г.) и до начала восстания (октябрь 1707 г.)⁸. Наконец, кое-кто молчаливо относит сей факт биографии Булавина к 1705–1707 гг., очевидно, принимая во внимание датировку первых известий о нём⁹.

Впрочем, ряд авторов полагают, что Булавин станичным атаманом не был. По мнению одних, он был всего лишь «походным атаманом», возглавлявшим отряд бахмутских казаков «для надзора за ногайскими татарами»¹⁰, по мнению других, – атаманом рабочих-солеваров при соляных заводах в Бахмуте¹¹, а с точки зрения третьих, возглавлял шайку «гультаев» или «голытьбы»¹². При этом никто из авторов данной группы не утруждает себя ссылками на источники.

По-разному исследователи определяют и характер, субъективную направленность борьбы донских казаков за бахмутские уголья – то, как донцы её понимали, кого именно считали своим противником.

Большинство авторов полагает, что для казаков Дона спор с Изюмским полком был на самом деле сознательной борьбой с правительством и даже самим царём. Одни историки, правда, ничем не аргументируют свои утверждения, считая, очевидно, что раз К. Булавин стал в конце концов инициатором и главой крупного восстания, то его участие в бахмутско-изюмском конфликте позволяет и последний расценивать как открытый бунт¹³. Другие же авторы ссылаются на арест дьяка А. Горчакова, интерпретируя это деяние как оскорбление верховной власти, а также утверждают, что одной из причин столкновения стало то, что бахмутские соляные промыслы были «отписаны на государя» – в 1704¹⁴ или 1705 г.¹⁵ Правда, кое-кто датирует эту «отписку» 1706 г., поэтому она выступает уже не причиной, а следствием бахмутского «бунта»¹⁶.

Особой точки зрения придерживаются Н. В. Гербель, М. В. Ивченко и С. Г. Сватиков. Первые двое полагают, что донские казаки, соперничая с изюмцами, не рассматривали свои действия как антиправительственные и «антимонархические», да и не могли так рассматривать в принципе, ибо вели «частную, мелкую борьбу с чиновниками»¹⁷. Сватиков тоже не видит в поведении казаков антицаристской направленности, но усматривает, однако, в их действиях «противуправительственную» подоплёку¹⁸.

Поиски ответа на вопрос, являлся ли Булавин бунтарём уже до осени 1707 г., и если да, то почему, тесно связаны с выяснением того, был ли он «старовером».

Часть историков одну из причин восстания 1707–1709 гг. видят в том, что Булавин, будучи «раскольником», вместе со своими

[с. 98]

единомышленниками стремился восстановить в государстве «старую веру»¹⁹. Насколько можно судить, к подобному заключению авторов приводят обличения в адрес «еллинской веры», которыми изобилуют повстанческие «прелестные письма». Но поскольку выражение «еллинская вера» можно трактовать по-разному²⁰, а его употребление не обязательно увязывать с принадлежностью данного лица к «расколу»²¹, то другие историки лишь предположительно говорят о «староверческом» вероисповедании К. Булавина²².

Среди причин булавинского восстания некоторые дореволюционные историки отмечали и тайную связь Булавина с гетманом И. Мазепой, по наущению которого он якобы и поднял мятеж. Их знакомство относили то к концу XVII в. (ко времени Крымских²³ или Азовских походов²⁴), то к началу XVIII в.²⁵ Хотя большинство исследователей не разделяет мнения о том, что восстание 1707–1709 гг. вспыхнуло по «наущению Мазепиному», ибо это мнение основывается на одних лишь подозрениях, циркулировавших в правительственном лагере²⁶, тем не менее до сего дня дожило мнение, что Булавин участвовал в Крымских походах 1687–1688 гг. и как раз тогда познакомился с гетманом²⁷.

Наконец, точно неизвестно, был ли К. Булавин грамотным. Некоторые историки сообщают, что азы грамоты он знал, ибо умел написать свою фамилию²⁸, но это утверждение требует проверки, поскольку авторы никак его не обосновывают.

Итак, можно выделить две главные причины разногласий среди историков: первая, объективная – это скудость доступных для изучения источников, а вторая, субъективная – это их вольная интерпретация и чрезмерное увлечение гипотезами, свойственные ряду авторов. Разрешить спорные моменты возможно лишь при расширении источниковой базы исследования за счёт архивных материалов, а также при всестороннем и беспристрастном анализе фактических данных по теме.

Уточнение биографии К. Булавина начнём с выяснения причин и характера конфликта между изюмцами и донскими казаками.

Первыми насельниками спорных угодий следует признать жителей Изюмского полка, ибо те к 1700 г. уже владели «изстари» землями по рр. Красная и Жеребец. Причём их право на эти угодья было узаконено грамотой, выданной в сентябре 1703 г. белгородским воеводой

«по указу великого государя»²⁹. Что касается донских казаков, то они до 1700 г. появлялись на Бахмуте и соседних реках лишь «наездом», эпизодически. Впрочем, это не мешало им смотреть на местные угодья как на свои, поскольку в «казацкую обыкность» входила традиция владеть землями именно так – «без крепостей»³⁰. Свой городок на Бахмуте донцы построили в 1702 г.³¹ Это сразу вызвало естественное недовольство изюмцев – начались прения и стычки.

[с. 99]

По сути дела, столкнулись два понимания законности – «письменное» и «обычно-правовое»: изюмцы ссылались на документы, а донцы – на свою «обыкность». Правительство стало на сторону изюмцев. В апреле 1703 г. царским указом было предписано, чтобы спорными землями ведал Ф. В. Шидловский, полковник Изюмского полка³². Однако донские казаки не успокоились, и столкновения продолжились. Ничего не смогли изменить и два других царских указа – об отписке бахмутских солеварен в казну (февраль 1704 г.) и передаче всех спорных земель, за исключением двух мельниц и пасеки на р. Жеребце, во владение Изюмскому полку (октябрь 1704 г.)³³.

Не стоит полагать, что донские казаки открыто противились воле монарха, раз не признавали его указов. В XVII – начале XVIII в. на Дону действительными считались лишь те указы царя, которые сопровождались распоряжениями из «Войска» (Черкаска). При этом войсковая администрация принимала во внимание далеко не все указы из Москвы. Казаки подчинялись только грамотам из Посольского приказа, а повелениям из других приказов – если к ним опять-таки прилагалась «послушная грамота» из Посольского³⁴.

Неудивительно поэтому, что в 1705 г., ведя борьбу за бахмутские угодья, донские казаки не видели необходимым следовать царским указам, присланным на имя Ф. В. Шидловского или даже адресованным в Черкасск, но вышедшим не из Посольского приказа. Неудивительно и то, что казаки, узнав от Ф. Шидловского об «отписке» в феврале 1705 г. всех соляных месторождений на государя, не восприняли это как руководство к действию³⁵.

По той же причине донцы отказались подчиниться указу воронежского управителя Ф. М. Апраксина, запрещавшего им вступать во владения Изюмского полка. Наоборот, из Черкаска на Северский Донец были посланы письма, чтобы казаки «выбивали» изюмцев из бахмутских угодий. Дело в том, что в Черкасске ждали «настоящего» царского указа (грамоту из Посольского приказа)³⁶.

Когда такой указ на Дон пришёл (сентябрь 1706 г.), казаки ему подчинились – даже несмотря на то, что их ожидания не сбылись. В указе сообщалось, что все спорные земли переходят во владение изюмцев, «чинить обиды» которым строжайше запрещалось. Что интересно, донцы беспрекословно исполнили и повеление, содержащееся в другой грамоте из Посольского приказа, – о том, что угодья и селитренные заводы, принадлежавшие некогда полковнику И. Перекрестову, отписываются на государя и переходят под управление Ф. Шидловского. Хотя селитренные заводы находились на землях Войска Донского, тем не менее изюмцы доступ к ним получили³⁷.

[с. 100]

Таким образом, донские казаки, отстаивая в 1702–1706 гг. своё право на бахмутские угодья, боролись, по их собственному разумению, не с царём и не с правительством, но лишь с начальством и жителями Изюмского полка, а также с их покровителями в лице белгородского и воронежского наместников – «боярами», действовавшими, как полагали казаки, без санкции государя.

Данный вывод полностью применим и к самому К. Булавину, который активно участвовал в этой борьбе. Источники однозначно свидетельствуют, что он был именно атаманом Бахмутского городка³⁸. Вряд ли Булавин стал им в 1702 г., сразу после строительства городка, поскольку в качестве первых тамошних жителей упоминаются казаки Сухаревской станицы³⁹, а Кондрат был из Трёхизбянского городка. Трёхизбянские же казаки, наряду с краснянскими, сухаревскими и боровскими, упоминаются среди жителей Бахмута под 1704 г.⁴⁰ Однако есть основания полагать, что К. Булавин возглавил местных казаков годом ранее: в «Донских делах» есть упоминание, что в 1703 г. в Бахмутском городке уже пребывали «старожилые» казаки разных станиц⁴¹. Сложил же атаманские полномочия Булавин в феврале 1707 г., когда его сменил черкасский казак Семён Кульбака⁴².

Арест дьяка А. Горчакова, приехавшего 3 июня 1706 г. на Бахмут по указу «адмиралтейца» Ф. Апраксина, чтобы сделать опись «разорений», учинённых донцами, и оставить отряд солдат, был произведён Булавиным в соответствии с предписаниями войскового права. Бахмутские казаки потребовали предъявить им царский указ, а когда узнали, что у дьяка его нет, заявили, «что они без ведома ис Черкаского на Бахмуте описывать и осматривать и ничего делать не дадут, и писали о том в Черкасское. И около постоялова двора поставили караул многолюдством с ружьем... А ево, Алексея, и с солдаты с постоялова двора не выпустили восемь дней и велели дожидатца против своего письма из Войска ведомости».

11 июня в городок прибыли трое черкасских старшин с войсковой отпиской. Они публично одобрили действия К. Булавина и заявили дьяку, «что де им войсковой атаман Лукьян Максимов со всем Войском приказывали словесно, чтоб тех соляных заводов описывать и осматривать они не давали...»⁴³

Итак, в 1703–1706 гг. К. Булавин бунтарём не был и о восстании не помышлял. Следовательно, считать конфликт из-за бахмутских угодий репетицией движения 1707–1709 гг. – значит совершать грубейшую ошибку. В то же время ошибкой будет и утверждение, что между этими событиями – бахмутским конфликтом и нападением на сыскной отряд Ю. В. Долгорукого – нет никакой связи. Связующей нитью, по всей видимости, явилось возмущение К. Булавина действиями войсковой верхушки, которые угрожали ему лично.

[с. 101]

Хотя в столкновении с дьяком Горчаковым «Булавин поступил как добрый гражданин Донской республики»⁴⁴, строгое соблюдение им казачьих традиций парадоксальным образом обернулось для него бесчестьем.

В конце 1706 г. в Черкасске было принято решение снять Булавина с поста бахмутского атамана. Причиной этому стал уже упоминавшийся царский указ, полученный в сентябре того же года, из которого следовало, что государь очень недоволен разгромом солеварен, совершённым бахмутскими казаками в октябре 1705 и январе 1706 гг. Указом повелевалось вернуть изюмцам награбленное и провести «розыск» для определения и наказания виновных⁴⁵. Войсковая администрация, пытаясь оправдаться перед царём, всю вину переложила на К. Булавина, который оказался, таким образом, козлом отпущения.

Новый (с февраля 1707 г.) атаман Бахмутского городка – С. Кульбака – был, вероятнее всего, «знатным» казаком, т. е. входил в окружение войскового атамана⁴⁶. Это видно, во-первых, из того, что, вопреки донской «обычности», его выбирали не на Бахмуте, а в Черкасске – иначе говоря, он был просто назначен, с точки зрения бахмутских обитателей. Во-вторых, его на посту атамана в конце марта 1708 г. сменил другой «знатный» казак – старшина Харитон Абакумов⁴⁷.

Подобное внимание войсковой администрации к окраинному городку было вызвано тем, что с бахмутских солеварен собирались средства для строительства каменной церкви в Черкасске⁴⁸. Поскольку эта церковь была заложена в 1706 г.⁴⁹, то можно сделать вывод, что

деньги, привезённые в Черкасск С. Кульбакой в октябре 1707 г., были первым взносом бахмутских солеваров «на церковное каменное строение». Весьма вероятно, что подобные взносы были собраны и с других городков и что именно эти средства были теми самыми «церковными деньгами» (20 тыс. руб.), которые после взятия Черкасска были поделены между восставшими по инициативе К. Булавина⁵⁰.

Итак, с февраля 1707 г. К. Булавин имел все основания считать себя оскорблённым. В первую очередь его возмущение обращалось, как это логично предположить, на войскового атамана Лукьяна Максимова и верных тому войсковых старшин, которые всем заправляли «в Войске».

Судя по источникам, ближайшие сподвижники Л. Максимова назывались «первой старшиной»⁵¹. Очевидно, именно из этой среды были те самые «знатные старшины», которые сопровождали князя Ю. В. Долгорукого во время сыска беглых, – А. Савельев, Н. Саламата, И. Иванов, Г. Матвеев, Е. Петров⁵². Что касается других «лучших» казаков, сопровождавших князя в сентябре 1707 г., то они звались «просто» старшинами⁵³.

[с. 102]

Нападение на отряд Ю. В. Долгорукого помогало Булавину достичь сразу несколько сугубо личных целей. Он мог, во-первых, расправиться со своими обидчиками – приспешниками Л. Максимова, во-вторых, отомстить самому войсковому атаману, подорвав его позиции, что было выгодно и тайному союзнику Булавина – старшине Илье Зерщикову, мечтавшему заменить Л. Максимова на высшем посту донской администрации⁵⁴. В-третьих, К. Булавин просто спасал себя: Ю. Долгорукий, помимо прочего, был обязан провести «розыск» по делу дьяка А. Горчакова, и, дабы угодить, «Войско» распорядилось арестовать Булавина и передать его в руки князя, который со своим отрядом двигался как раз на Бахмут⁵⁵.

Теперь попробуем разобраться с происхождением К. Булавина. Поскольку он, будучи атаманом Бахмута, руководил «старожилами» казаками, а не «голытьбой», постольку он и сам, видимо, должен был быть из числа полноправных жителей Войска Донского.

Уже говорилось, что, согласно молве, К. Булавин был «природою подлинно салтовец из русских людей». Это свидетельство уточняется показаниями его жены, которая на допросе говорила, что «муж её жила в Чугуеве и в Салтове»⁵⁶. Таким образом, Булавин родился в Чугуеве, а в пределы Войска Донского попал, по всей видимости, малолетним. Но когда именно? Логично предположить, что на Дону К. Булавин осел до 1695 г. – раз его отец к началу XVIII в. сумел стать станичным атаманом. Стало быть, Булавины входили, скорее всего, в категорию «старожилов» казаков.

В источниках больше нет известий о жизни К. А. Булавина до 1705 г., посему утверждение, что он участвовал в Крымских или Азовских походах и был знаком с Г. Мазепой, надо считать всего лишь вымыслом.

В то же время отсутствие о нём явно выраженной информации можно хотя бы частично компенсировать, если обратить внимание на его фамилию и на то, в каких вариантах она зафиксирована источниками.

Прежде всего отметим, что в источниках, содержащих информацию о жизни К. Булавина на Дону, содержатся лишь два варианта фамилии: «Булавин» и «Буловин» (написание «Боловин» следует считать их искажением)⁵⁷. При этом обращает на себя внимание тот факт, что оба наименования – это именно фамилия, а не отчество (как, например, «Иванов», «Григорьев») и не прозвище (как, например, «Кочетов» – от «кочет», «Зерщиков» – от «зерщик»). Разумеется, и слово «Булавин» произошло некогда от «булава», но главное – в том, что применительно к носителю этой фамилии никто ни разу не употребил подобное прозвище. Для сравнения: войсковой старшина И. Зерщиков звался также Зерщиком и

Григорьевым (по отцу). Что же до Булавина, то случаев, когда бы его звали Кондратом Афанасьевым, не зафиксировано.

[с. 103]

Возникает предположение, что К. А. Булавин по своему происхождению не принадлежал к податному сословию. Вполне вероятно, что он вышел из «детей боярских».

Обосновать гипотезу помогает «верстальная челобитная» от имени «Воронежского уезда села Подхлевно сына боярского Васьки Лазарева сына Булавина», датированная 7179 г. (1670/71 гг.). Вот её текст: «... Служил тебе, великому Государю, отец мой Лазыр Булавин по городу по Воронежу... лет с пятнадцать и больши, а твоево, великого Государя, жалованя помеснаго окладу и денежного было отцу моему сто семьдесят четвертей, денег восемь рублёв, а я, холоп твой, после отца своево служу тебе, великому Государю, по городу по Воронежу тринадцать лет... К сей челобитной Климка Иванов вместо Василья Буловина по ево велению руку приложил»⁵⁸.

По переписным документам 7183 г. (1674/75 гг.) поместье челобитчика – с. Подхлевно Карачунского стана – оказывается принадлежащим Ивану Булавину, который, впрочем, уже в 7185 г. (1676/77 гг.) числится, вместе с Василием Булавиным (братом?), среди детей боярских, не имеющих крестьян⁵⁹. Под 7181 г. (1672/73 гг.) упомянут орловский сотник Иван Булавкин⁶⁰, однако можно лишь догадываться, в каких он отношениях с И. Булавиным – одно ли это лицо или разные люди.

Совсем не обязательно считать, что К. А. Булавин был потомком именно воронежских Булавиных, однако вполне вероятно, что у них могли быть свойственники на территории Слободской Украины, где до ухода на Дон жили Афанасий и Кондрат Булавины.

Косвенным подтверждением данной гипотезы служит повседневное именование в казачьей среде представителей рода Борыбиных. Глава семейства – Зиновий Борыбин – был до ухода на Дон в «детях боярских». Так вот: и его самого, и его сыновей называли только по фамилии, которая, кстати, вряд ли выводима из какой-либо клички⁶¹.

Теперь нужно ответить на вопрос, каково было вероисповедание К. Булавина.

«Старовером» он, по всей видимости, не был. Во-первых, открыто придерживаться «раскола» в это время на Дону было небезопасно. С 1688 г. «заводчики к расколу» преследовались и подлежали казни⁶². И хотя это не мешало многим казакам исповедовать «старую веру» тайно и укрывать её адептов из числа духовенства (так называемых «расколоучителей»)⁶³, К. Булавин в состав духовных оппозиционеров не входил.

Сохранилось «Дело по прошению Бахмутской станицы атамана Кондратя Буловина с товарищи о посвящении оной станицы дьячка Ивана Гаврилова в попы... о постройке церкви во имя Иоанна Предтечи и о даче для оной церковной утвари». Челобитная о поставлении И. Гаврилова адресована патриарху и датирована 10 декабря 1705 г. Она была

[с. 104]

подана К. Булавиным в конце января 1706 г. в Москве, куда он приехал в составе донской делегации – «лёгкой станицы». Тогда же он подал ещё одно прошение – о разрешении построить на Бахмуте церковь и о снабжении её всем необходимым⁶⁴. Разумеется, если бы жители Бахмута были тайными раскольниками, они вряд ли стали бы просить у церковных властей («никониан») о присылке «церковных сосудов и антимиаса и всякой церковной утвари».

Наконец, материалы этого архивного дела доказывают, что К. Булавин был неграмотным, поскольку под челобитными «по его велению» подписывались другие.

-
- ¹ Лунин Б. В. Очерки истории Подонья-Приазовья. Кн. 2. Ростов н/Д., 1951. С. 112.
- ² «Старожилами» звались те, кто родился на Дону в казачьей семье («природные», «коренные» казаки) или же были казаками в первом поколении, но прожили на Дону значительный срок – судя по источникам начала XVIII в., не менее 10 лет. Только эти лица были полноправными, в отличие от «голытьбы» – необеспеченных и «новопришлых» жителей Дона (См.: Сватиков С. Г. Россия и Дон (1549–1917). Белград, 1924. С. 32; Павленко Н. И. К вопросу о роли донского казачества в крестьянских войнах // Социально-экономическое развитие России: Сб. статей к 100-летию со дня рождения Н. М. Дружинина. М., 1986. С. 73–74).
- ³ Мининков Н. А. К. А. Булавин: Из истории формирования личности народного вождя // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы: Общественные науки. 1987. № 3. С. 65; Пронштейн А. П., Мининков Н. А. Кондратий Афанасьевич Булавин. М., 1988. С. 31.
- ⁴ Подъяпольская Е. П. Новое о восстании К. Булавина // Исторический архив. 1960. № 6. С. 126.
- ⁵ Подъяпольская Е. П. Известия о роде Булавиных // Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв.: Проблемы, поиски, решения. М., 1974. С. 65.
- ⁶ См.: Подъяпольская Е. П. Новое о восстании. С. 119–124; Булавинское восстание (1707–1708). М., 1935. С. 76, 78–79, 87–106.
- ⁷ Подъяпольская Е. П. Восстание Булавина. М., 1962. С. 82.
- ⁸ Соловьёв С. М. История России с древнейших времён. М., 1962. Кн. 7. С. 178; Краснов Н. И. Исторические очерки Дона: Усмирение Петром Великим Булавинского бунта // Русская речь. 1882. № 3. С. 120; Лебедев В. И. Булавинское восстание. М.; Л., 1934. С. 31.
- ⁹ Савельев Е. П. Крестьянский вопрос на Дону в связи с казачьим: Историко-статистический очерк. Новочеркасск, 1917. С. 20; Сватиков С. Г. Россия и Дон. С. 137–138; Мининков Н. А. К. А. Булавин. С. 64–65; Буганов В. И. Очерки истории классовой борьбы в России XI–XVIII вв. М., 1986. С. 192; Он же. Булавин. М., 1988. С. 41–42.
- ¹⁰ Краснов Н. И. Исторические очерки. № 4. С. 131.
- ¹¹ Аристов Н. Я. Об историческом значении русских разбойничьих песен. Воронеж, 1875. С. 57; Смирнов И. В. Век нынешний и век минувший // Знание – сила. 1990. № 12. С. 11.

[с. 105]

- ¹² Ригельман А. И. История о донских казаках. М., 1846. С. 86.
- ¹³ Сухоруков В. Д. Историческое описание земли войска Донского. 2-е изд. Новочеркасск, 1903. С. 367–368; Очерки истории СССР. Россия в первой четверти XVIII в.: Преобразования Петра I. М., 1954. С. 255.
- ¹⁴ Мининков Н. А. К. А. Булавин. С. 64, 68; Буганов В. И. Булавин. С. 33.
- ¹⁵ Савельев Е. П. Крестьянский вопрос. С. 20; Томсинский С. Г. Крестьянские движения в феодально-крепостной России. М., 1932. С. 102.
- ¹⁶ История Донского казачества. Новочеркасск, 1914. С. 173; Чаев Н. С. Булавинское восстание (1707–1708 гг.). М., 1934. С. 50–53; Чаев Н. С., Бибилова К. М. Взаимоотношения Москвы и Дона накануне Булавинского восстания // Булавинское восстание (1707–1708). С. 28, 30; Лунин Б. В. К истории донского казачества. Ростов н/Д., 1939. С. 169; Подъяпольская Е. П. Восстание Булавина. С. 61–63; Смирнов И. В. Век нынешний. С. 11.
- ¹⁷ Гербель Н. В. Изюмский Слободской казачий полк (1651–1765). СПб., 1852. С. 50–52; Ивченко М. В. Страничка прошлого: Отражение восстания Кондратия Булавина в Острогожском крае. Острогожск, 1924. С. 4.
- ¹⁸ Сватиков С. Г. Россия и Дон. С. 137–138.
- ¹⁹ Щапов А. К. Русский раскол старообрядства, рассматриваемый в связи с внутренним состоянием русской церкви и гражданственности в XVII веке и в первой половине XVIII. Опыт исторического исследования о причинах происхождения и распространения русского раскола. Казань, 1859. С. 475; Мельгунов С. П. Религиозно-общественные движения XVII–XVIII вв. в России. М., 1922. С. 70;

Овсянников Е. Булавинский бунт, как раскольниковое движение на Дону // Воронежская старина. Воронеж, 1914. Вып. 13. С. 131; *Смирнов И. В.* Век нынешний. С. 11.

²⁰ Для одних авторов за ним скрывается официальная церковь (*Никольский Н. М.* История русской церкви. М., 1983. С. 186; *Проништейн А. П.* Об идеологии восставших во время крестьянских войн в России XVII–XVIII вв. // Актуальные проблемы науки. Ростов н/Д., 1967. С. 66–67), для других – крепостническое государство (*Лебедев В. И.* Булавинское восстание (1707–1708). М., 1967. С. 139; *Тумилевич Ф. В.* Казаки-некрасовцы // Дон. 1958. № 8. С. 138), для третьих – и то и другое (*Чаев Н. С.* Булавинское восстание. С. 124; *Подъяпольская Е. П.* Восстание Булавина. С. 102–104; *Проништейн А. П., Мининков Н. А.* Крестьянские войны в России XVII–XVIII веков и донское казачество. Ростов н/Д., 1983. С. 246–247, 284).

²¹ В обличениях «еллинской веры» некоторые видят чисто агитационный момент, цель которого – привлечь к восставшим «раскольникам» (Очерки истории СССР. С. 271; *Мавродин В. В.* Советская историческая наука о крестьянских войнах в России // Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. М.; Л., 1966. С. 315).

²² *Подъяпольская Е. П.* Восстание Булавина. С. 104; *Буганов В. И.* Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. М., 1976. С. 140; *Рябов С. Я.* «Прелестные письма» Кондратия Булавина // Политическая информация: Журнал отдела пропаганды и агитации Волгоградского обкома КПСС. 1983. № 14. С. 31.

²³ *Броневский В. Б.* История Донского войска. Ч. 1. СПб., 1834. С. 249.

²⁴ *Попов А. Г.* История о Донском войске. Ч. 2. Харьков, 1816. С. 267–268.

²⁵ *Краснов Н. И.* Исторические очерки. № 2. С. 110, 120; № 4. С. 123, 146–147; *Вейнберг Л. Б.* Булавин Кондратий // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Т. 4. СПб., 1891. С. 884–885; *Он же.* Булавин Кондратий

[с. 106]

// Русский биографический словарь. Том Бетанкур – Бякстер. СПб., 1908. С. 450–451.

²⁶ «О сём бунте думали тогда, что оный воздвигнут был наущением Мазепиным, но смертию начинщика оного Булавина мнение сие осталось не подтверждённым...» (*Голиков И. И.* Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. Т. 2. 2-е изд. М., 1837. С. 317).

²⁷ *Лебедев В. И.* Булавинское восстание. С. 31, 79, прим. 172; *Буганов В. И.* Булавин. С. 16.

²⁸ *Вейнберг Л. Б.* Булавин Кондратий. С. 450; *Буганов В. И.* Булавин. С. 16.

²⁹ Булавинское восстание. С. 94–95.

³⁰ Грамота Петра I от 14 октября 1704 г. // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 1. Одесса, 1844. С. 362.

³¹ Булавинское восстание. С. 90.

³² Там же. С. 92.

³³ Там же. С. 93, 106.

³⁴ РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1704 г. Д. 5. Л. 1 об.

³⁵ Там же. 1705 г. Д. 22. Л. 1–1 об.; 1706 г. Д. 19. Л. 3 об. – 4.

³⁶ Там же. 1706 г. Д. 19. Л. 3–3 об., 16–16 об., 34–34 об.

³⁷ Там же. Л. 5 об. – 6, 12, 15 об., 31 об., 47 об. – 48.

³⁸ См.: *Подъяпольская Е. П.* Новое о восстании. С. 119–124.

³⁹ Булавинское восстание. С. 99.

⁴⁰ Там же. С. 105.

⁴¹ РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1706 г. Д. 19. Л. 32 об.

⁴² *Подъяпольская Е. П.* Новое о восстании. С. 123.

⁴³ РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1706 г. Д. 19. Л. 14–15.

⁴⁴ *Сватиков С. Г.* Россия и Дон. С. 138.

⁴⁵ РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1706 г. Д. 19. Л. 1–6.

⁴⁶ «Знатными» назывались наиболее зажиточные казаки и верхушка донской администрации – войсковые старшины (*Пронштейн А. П.* Земля Донская в XVIII веке. Ростов н/Д., 1961. С. 147; *Усенко О. Г.* Терпи, казак... // *Родина*. 1993. № 10. С. 23).

⁴⁷ *Подъяпольская Е. П.* Новое о восстании. С. 123.

⁴⁸ Там же. С. 123, 132.

⁴⁹ *Кириллов А.* Часовни, церкви и монастыри на Дону от начала их появления до конца XIX века // Сборник Областного Войска Донского Статистического Комитета. Вып. 6. Новочеркасск, 1906. С. 5.

⁵⁰ См.: Булавинское восстание. С. 239.

⁵¹ Там же. С. 141.

⁵² Там же. С. 131, 136; *Масловский Д.* Северная война: Документы 1705–1708 гг.: Сборник военно-исторических материалов. Вып. 1. СПб., 1892. С. 150.

⁵³ Булавинское восстание. С. 147.

⁵⁴ См.: Там же. С. 328, 362; *Подъяпольская Е. П.* Новое о восстании. С. 126; *Краснов Н. И.* Исторические очерки Дона: От Разина до Булавина // *Русская речь*. 1881. № 2. С. 149, прим. 1.

⁵⁵ Булавинское восстание. С. 113–114, 146; *Подъяпольская Е. П.* Новое о восстании. С. 124.

⁵⁶ РГАДА. Ф. 9. Отд. I. Оп. 2. Д. 18. Ч. 1. Л. 515.

⁵⁷ См.: Булавинское восстание. С. 470; *Подъяпольская Е. П.* Новое о восстании. С. 119–142.

[с. 107]

⁵⁸ Рукописи и древние акты Воронежского Губернского Музея // Труды Воронежской Учёной Архивной Комиссии. Вып. 2. Воронеж, 1904. Отдел 2. С. 56, № 866/40 (части текста, заменённые многоточием, утрачены).

⁵⁹ Воронежские древние акты // Там же. Вып. 5. Воронеж, 1914. С. 282, № 2443/1217); 542, № 8218/1992.

⁶⁰ Рукописи и древние акты Воронежского Губернского Музея // Там же. Вып. 4. Воронеж, 1908. С. 212, № 1186/359.

⁶¹ См.: РГАДА. Ф. 371. Оп. 1. Ч. 1. Д. 494.

⁶² См.: Там же. Ф. 111. Оп. 1. 1688 г. Д. 12.

⁶³ См.: Там же. Ф. 158. Оп. 1. 1702 г. Д. 142. Л. 8–8 об.; Оп. 2. 1711 г. Д. 20.; Ф. 371. Оп. 1. Ч. 1. Д. 291. Л. 11, 38–40; *Овсянников Е.* Булавинский бунт. С. 145.

⁶⁴ РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1706 г. Д. 9.

[с. 108]
